

Елена Ершова

ИХТИС

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Е80

Ершова, Е.

Е80 Ихтис / Е. Ершова. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. – 402 с.

ISBN 978-5-517-03944-6

В глухую деревеньку со всей страны съезжаются люди. Здесь можно найти самое настоящее чудо: основатель старообрядческой общины «Рыбари Господни» умеет исцелять смертельные болезни, изгонять бесов и даже воскрешать мертвых. Однажды попав в сети общины, можно остаться в них навсегда... Репортер и скептик Павел Верницкий не верит ни в чудеса, ни в магию, и решает разоблачить новоявленного мессию. Но на глазах ожидают страшные славянские сказки о проклятых местах, прошлое пробуждается и возвращается призраками давно умерших людей, а потомственный колдун жаждет завладеть могучей силой.

BIC FL
BISAC FIC000000

© Елена Ершова, текст, 2020

© Елена Кононенко, иллюстрации,
2020

© Елена Труфанова, Мария Дубинина,
обложка, 2020

© Т8 RUGRAM, 2021

ISBN 978-5-517-03944-6 © Т8 Издательские технологии, 2021

*Царство Небесное подобно неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон.
(Матф. 13:47,48)*

1. Порча

— Порча на тебе!

Старуха указала артритным пальцем на Павла.

— И на тебе, девка!

Палец качнулся стрелкой барометра и уперся в Нину. Та вздрогнула, нашарила под столом руку Павла, сжала. Пламя свечей затрепетало, сильнее пахнуло ладаном, густые тени зазмеились по стенам. Бабка Ефимия завела глаза и забормотала что-то неразборчивое, но Павел прочел по губам: «...порчу навели... свечи не зря трещат... болезни... ах ты!»

Он ободряюще стиснул руку Нины в ответ, другой придерживал у живота медный крест. Металл нагрелся и больше не охлаждал кожу, но все равно напоминал о прикосновении хирургических инструментов из прошлой, почти забытой жизни.

Бабка Ефимия закончила бормотать, перекрестила Нину, потом Павла:

— Вынимайте!

Оба креста — литой мужской и узорчатый женский — беззвучно упали на стол. Павел приподнял край ру-

башки: на коже расцветали зеленоватые пятна. Краем глаза заметил, как шевельнулись губы Нины, повторяя за бабкой:

— Порча...

Знахарка удовлетворенно кивнула:

— Снимать будем.

Поднялась, заковыляла в недра дома. Павел поглядел на Нину и вопросительно поднял брови. Девушка мотнула головой, слова сложились в узнаваемое:

— Все хорошо.

По комнате поплыл запах ладана, такой густой, хоть черпай горстями. В воздухе дрожала дымная взвесь, и лики с закопченных икон смотрели неласково и строго. Отчего-то накатило беспокойство. Павел сунул руку в карман и со вздохом облегчения нащупал прохладный пластиковый цилиндр. Не выронил, не потерял.

Вернулась бабка Ефимия с подносом, на котором оказались молитвенник, стакан воды и куриное яйцо. Аккуратно поставила на стол, обтянутый липкой клеенкой. Отблеск свечей полыхнул на гранях стакана.

— Сюда! — знахарка указала рядом с собой. Павел послушно пересел. Темные глаза Спасителя смотрели, не мигая, будто спрашивали: «Веруешь?»

Знахарка встала за спиной. Шею Павла обожгло ее горячее дыхание, влажные руки коснулись лба. Краем глаза он увидел, как зашевелились губы Нины и понял, что она шептала молитвы. Он повторил за ней:

— Да воскрес-нет Бог... и рас-то-чатся враги его... да исчезнут... тает воск от огня... так по-гибнут бесы от лица лю-бя-щих Бога...

Бабка Ефимия несколько раз обвела куриным яйцом вокруг головы Павла, а тот уже не повторял за Ниной, а просто крутил в кармане Пулю и смотрел, как в полумраке мигают оранжевые огоньки, да к потолку тянутся зыбкие тени.

Закончив молитву, знахарка пошла к столу. Павел потянулся следом, но со стула не встал. С его места было хорошо видно, как Ефимия разбила яйцо над стаканом, и в воду потек зеленовато-бурый желток, в котором копошилось что-то белое и живое.

Нина подскочила и прижала ко рту ладони. Бабка повернулась к Павлу и выгнула черные брови:

— Сколько зла! Черви клубятся... Вот порча... Отмывать надо.

Она открыла изрядно потрепанный молитвенник, отслонила несколько страниц и сунула Нине:

— Читай!

Нина склонилась над книгой. Темные локоны почти полностью скрыли ее лицо, и Павел не мог разобрать, читает она или только делает вид. Он покорно ждал, а знахарка важно кивала, крестила притихшую девушку и время от времени шлепала губами, приговаривая:

— Так, так... сохрани от неверия... и несчастий... так! — и укоризненно грозила Павлу. — А в тебе бес! Морщишься? Искушает тебя... неверием и гордыней. Оттого детей нет... Господь не дает...

Нина дочитала, откинула со лба налипшие пряди. Ее грудь взволнованно колыхалась, лицо блестело от пота. Она что-то спросила, но Павел не успел разобрать. Зато Ефимия протянула руку:

— Давай!

Девушка полезла в сумочку и вытащила фотографию. Павел вытянул шею, но и так знал, кто изображен на снимке — родители Нины.

Знахарка аккуратно положила фотокарточку на клеенку, бережно разгладила сухими ладонями, потом взяла резную свечу, привезенную из паломничества и пропитанную эфирными маслами. Сквозь плотность ладана донесся едва уловимый тонкий аромат елей.

— Мать суставами мается, верно? — сказала бабка, косясь на гостей и, дождавшись кивка, продолжила:

— А у отца простатит... Пусть молится. Порча... Могу по снимку откатать... в следующий раз. Подходящего яичка нет...

— Мне по-га-дайте! — сказал Павел. Видимо, слишком громко, потому что девушка вскинула голову, а бабка Ефимия глянула удивленно. Павел улыбнулся извиняющейся полуулыбкой и достал черно-белый снимок.

— Вот. Пле-мянник, — он постарался, чтобы голос прозвучал как можно естественнее. Бабка Ефимия покачала головой, но снимок приняла бережно, заметила:

— На тебя похож.

Повела свечой слева направо. Восковая капля скользнула вниз, кляксой расплылась по краю снимка, и Павел подался вперед. Бабка ткнула его в грудь сухой ладонью.

— Ш-ш! Не волнуйся... На племяннике порчи нет. Здоровый... Ждет судьба светлая... легкая. Сто лет проживет!

Она вернула снимок. Темноволосый паренек с фотокарточки сверкнул белозубой улыбкой. Павел не улыбнулся в ответ, аккуратно сложил фото и сунул во внутренний карман. В вечную жизнь он не верил, и знал, что парень с фотографии не верит тоже.

— А напоследок погадаю, — сказала Ефимия, достала потертую картонную колоду и принялась умело тасовать, пришептывая:

— Тридцать шесть...сестры и братья... черные, красные... скажите правду! Что было? Будет? Не утаите!

Замелькали пестрые рубашки, в глазах зарябило, будто в калейдоскопе, и карие глаза Нины блеснули от любопытства. Павел подсел ближе, впился взглядом в шевелящийся рот знахарки, стараясь не пропустить ни слова.

— Вижу свадьбу, — бормотала бабка Ефимия, поддевая скрюченными пальцами карты и шлепая каждой о клеенку. — Будет у тебя, девка, двойня. В церковь ходи... Сорокоуст... молебен. Спасителю и Богородице... а еще целителю... всем святым. Ты, парень, молись Николаю... архангелу Рафаилу, целителю. Сила окрепнет... бесплодие отступит. Скоро дорога, — указала на шестерку треф, — дальняя, сложная. Нехорошее... А что? Не разгляжу. Шестерка бубей с пиками — болезни. Обман. А тут, — ткнула в короля пик, — дурной человек. Рядом пиковая дама. Ох, неприятности... а пользой закончится или вредом, не пойму. Карты путают. Только здесь пиковый туз при семерке. А это значит...

Она замолчала, нахмурилась. Нина подняла на бабку испуганный взгляд, и Павел прочел по губам:

— Что же?

Знахарка не ответила. Что-то мягкое ткнулось в ноги, блеснуло зелеными плошками глаз.

— Что там? — повторила Нина.

— Кош-ка!

Павел нагнулся и с удовольствием погладил лоснящуюся спинку. Зверек широко зевнул, а, может, мяукнул и начал тереться о щиколотки, вздымая подрагивающий хвост. Ефимия разулыбалась:

— Дашка моя. Она болезни чует. Вишь, льнет? Ну, будет, будет!

Она похлопала по скамье рядом с собой, и кошка прыгнула к хозяйке, свернулась черным клубком. Бабка смахнула колоду на край стола, затушила витую свечку.

— Помните наказ, — прошамкала она, старательно выговаривая слова. — Читайте молитвы десять дней, а после ко мне возвращайтесь. Поняли?

Павел кивнул. Кивнула и Нина. Оба поднялись, попрощались. В благодарность оставили у порога крупу, молоко и масло — деньгами Ефимия не брала.

После задымленной избы воздух показался Павлу освежающим. Березы, черные и мокрые после дождя, клонили к плетню отяжелевшие ветки. У дороги притулилась белая «Нива», а кругом стояла тишина, да такая, что в ней вязли все звуки мира, и Павел видел только, как трепещет на ветру листва, как дворовый пес бесшумно разевает пасть, как гравий под подошвами откатывается в стороны. Павел тонул в тишине, как в омуте, и в этом было какое-то болезненное наслаждение.

Лишь по вибрации понял, что заработал мотор. Нина пихнула его локтем. Павел повернулся и встретился с ее вопрошающим взглядом. Нахмурившись, она намекая постучала себя по уху. Игра закончилась.

Павел вытащил Пулю. Пластиковый корпус был черным, а звуковод и регуляторы — серебристыми. Поэтому слуховой аппарат напоминал Павлу трассирующий снаряд. Он и был снарядом, однажды пущенным в голову и оставшимся там навсегда.

Завиток вкладыша нырнул в слуховой канал. Павел завел цилиндр за ухо, щелкнул регулятором и тишина взорвалась.

Это слегка дезориентировало его. Каждый раз, включая слуховой аппарат, он чувствовал себя выброшенной на берег рыбой. За треском помех Павел безошибочно узнавал гул работающего двигателя и нетерпеливый голос Нины:

— Так что думаешь?

Павел пожал плечами.

— Ни-че-го инте-ресного, Нинель, — ответил он, и собственный голос показался ему неожиданно громким и резким. Он подкрутил регулятор громкости, и продолжил уже более спокойно и внятно: — Обычная бабка, таких в любой деревне навалом. Пользы от них нет. Но и вреда немного.

— Значит, помиловать? Или все же... — напарница выдержала паузу и повернула книзу большой палец. Павел хмыкнул:

— Сама-то как думаешь?

Нина, счастливая в браке за некрупным чиновником, рассмеялась.

— Моя Анька только на прошлой неделе ходить начала. К двойне я пока не готова. Но папеньке скажу, чтоб проверился. Чем черт не шутит?

— Поверила?

— Кто знает. Говорит, порча на всех. Еще и этот пиковый туз при семерке. Ты поищи по справочникам, что это может значить?

Павел подозревал, что ничего хорошего, но вслух этого не сказал, а Нина и не ждала ответа, спросила снова:

— Червей в яйце видел?

— Не в первый раз. У деревенских знахарок это популярный фокус. Можно птицу заразить, а можно скорлупу проколоть, посадить внутрь опарыша, потом воском запечатать. Слышала ведь, что она сказала? Мол, сейчас такого яйца нет, а к следующему ритуалу приготовит.

— А как же это? — Нина задрала блузку и продемонстрировала на животе зеленые отпечатки. — Говорят, если металл следы оставляет, это первый признак порчи.

— Это первый признак оксида, а не порчи. Ты, Нинель, в школе училась? Кресты у бабки медные. А медь от пота окисляется и темнеет.

Нина надула губы.

— А так хотелось поверить в настоящую деревенскую колдунью! Бабка Ефимия, порчу снимает, мужскую силу возвращает, бесплодие лечит, лад в семью приносит. А она даже не поняла, что мы не пара! — Нина, шутя, ткнула Павла в плечо. — А все ты, вредина!

— Работа такая, — Павел перекинул через плечо ремень. — Поехали, Нинель. Мне до обеда статью сдать.

Нина вздохнула, погладила оплетку руля.

— Одно радует, хоть на ком-то порчи нет. Ты передай племяннику.

Павел отвернулся к окну. Над избами лениво текла облачная река. Май в этом году выдался холодным и дождливым, и, верно, к вечеру снова зарядит ливень.

— Нет никакого племянника, — сказал Павел, не заботясь о том, слышит ли его Нина. — Брат это мой. Он умер десять лет назад.

2. Червоточина

Однажды фотокор Денис приволок аквариум на восемьдесят литров.

— Переезжаем, а жена против, — пояснил он. — Говорит, лучше кошку заведем. Ее хоть погладить можно.

Рыбки пугливо трепыхались в наполненном водой пакете. Мертвый меченосец лежал на дне, некогда ярко-алое тело обесцветилось, его плавники вяло пощипывал сом. На другой день после новоселья скончался гурами: повредили сачком. Зато остальные прижились и чувствовали себя неплохо в стеклянном мирке, приютившимся между кадкой с фикусом и затертым диванчиком. Старожилом аквариума был Адмирал — жемчужная скалярия. Поврежденный в драке глаз зарос бельмом, но рыба держалась королевой, величественно проплывая мимо пластиковых кораллов и вздымая плавник, будто потрепанный штормом парус.

Из всех сотрудников «Тарусского калейдоскопа» Адмирал особенно выделял Павла, и сразу подруливал к стеклу, стоило спецкору появиться в поле зрения.

— Чувствует родственную душу, — подшучивала Нина.